

Любите — любите живо и съ любою радостю.
До конца Адама он — это единъ отъ величайшихъ
человѣкъ, и это „величайшою силы“ заслуга.

— ГЛАВА ПЯТАЯ —

ROUGE-NOIR.*

Des Lebens ungemischte Freude
Ward keinem Irdischen zu Theil,
Schiller: „Der Ring des Polykrates“.

Милый ребенокъ, семилѣтняя Вѣрочка, съ нетерпѣніемъ ждала прихода дня своего Ангела.

Мечта сбылась. Вѣрочка получила отъ любящихъ мамы и папы хорошенъкую куклу, какой не имѣла ни одна изъ ея сверстницъ.

Казалось: счастья, больше этого, не бываетъ на свѣтѣ...

Дѣти забавлялись. Всегда угрюмая, уродливая дѣвичонка, Павлуша, — приглашенная въ гости къ Вѣрочкѣ, — небрежно опустила на землю Вѣрочкину куклу. Кукла разбилась. Вѣрочка разразилась рыданьями на всю комнату.

Ея горю не было предѣловъ...

* * *

Ирину, олицетвореніе красоты, — въ ней соединена нѣга украинской дѣвушки и „la grâce et la magnificence“ великосвѣтской дамы, — „вывезли“ на первый балъ.

Она вошла въ „свѣтъ“.

Молодой человѣкъ, не отступавшій весь вечеръ ни на шагъ отъ Ирины, плѣнилъ ее. Она отдалась ему всей душой; обняла его всей любовью мечтательной дѣвушки.

Въ тотъ мигъ Ирина была счастлива неземнымъ счастьемъ.

Балы, одинъ за другимъ, потянулись волшебною ве- реницей по заколдованныму фону карнавала.

На одномъ изъ нихъ явилась знаменитость столичной Мельпомены, находившая особенное удовольствие въ развлеченияхъ съ мужчинами, принадлежавшими уже другимъ женщинамъ.

Ирина видѣла, видѣла своими собственными, съ ужасомъ послѣ забвения открывшимися, глазами, какъ онъ... ножималъ руку знаменитой опереточной дивы,—страстно... такъ страстно.

Кровью облилось бѣдное сердце дѣвушки.

* * *

Терпелиха, вдова по первомъ тузѣ въ селѣ, получила отъ своего единственного сына письмо съ извѣстіемъ, что онъ уже на дняхъ возвращается подъ родной кровъ;— возьметъ въ свои руки расшатавшееся въ его отсутствіи хозяйство, утѣшить старушку-мать.

Вернулся Олекса, гордость матери; отрада ея сѣдыхъ волосъ.

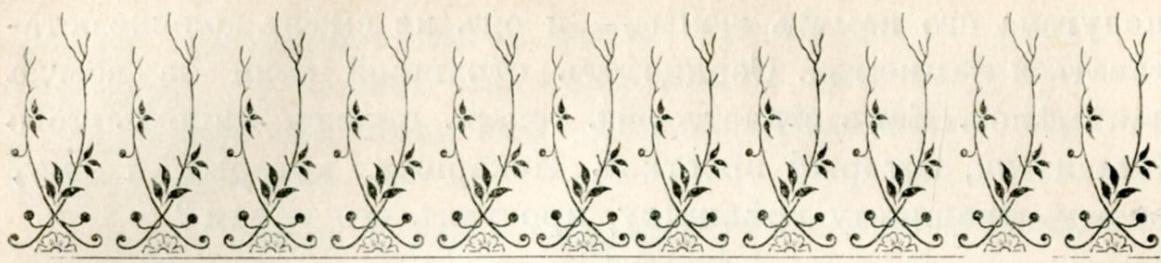
Скучно какъ-то проходили дни молодого, самостоятельнаго хозяина. — Какъ-же жить-то хозяину, да одному, безъ хозяюшки?

У Терпелихи не отъ нынѣ уже имѣлась на примѣтѣ невѣстка; — на все село козырь-дѣвка!

Состряпали свадьбу. Мать благословляла новоженцевъ, а слезы умиленія такъ и лились ручьемъ. Старая молилась за своихъ дѣтокъ — молитвой счастливой матери...

И годъ не прошелъ, — а невѣстка пустила Терпелиху по бѣлу свѣту. —

Изъ подонковъ.

(Очеркъ).

По дорожкамъ опрятно устроеннаго сада помѣщичьей усадьбы расхаживалъ Петръ Алексѣевичъ. Весь онъ погрузился въ какія-то печальные размышленія, что сказывалось на его пасмурномъ челѣ и въ томной поступи, которая только отъ поры до времени смѣнялась двумя, тремя прискоренными шагами, при чёмъ лицо Петра Алексѣевича на мгновеніе теряло грустный видъ. Дома сидѣть — скучно... Тамъ въ кровати больной мальчикъ, отданный совсѣмъ на произволъ свирѣпствующей дѣтской болѣзни. У кровати молодая жена, проводящая ночь и день на колѣняхъ со взоромъ, устремленнымъ въ возлюбленное лицико сына. Вокругъ — печаль, тяжелое, прижатое настроеніе. Право, не легко выдержать дольше...

Между тѣмъ украдкой вползаютъ въ голову гуляющаго другія, совсѣмъ другія мысли... Сегодня у помѣщицысосѣдняго села, Липовской, вечеръ. На немъ множество прекрасныхъ личекъ — дѣвицъ, да молодыхъ женъ. Но всѣхъ прелести вдругъ тускнѣютъ, когда среди этого множества движущихся картинъ явится дочь Липовской, Леонора. Ея молодое, свѣжее, почти дѣтское лицо, ея гибкій станъ, ея импозантная поступь, взоры, словомъ — все въ

ней плѣняло окрестную молодежь. Одно только портило общее впечатлѣніе: Леонора два года уже не жила со своимъ мужемъ. Это, однако, была только маленькая царапина на очаровательной вообще картинѣ деревенской Венеры, что ни чуточку не мѣшало разведенной наслаждаться волшебными подаяніями юности и красоты. Петръ Алексѣевичъ умножилъ число поклонниковъ Леоноры... Забывая поцѣлымъ часамъ, или даже вечерамъ о томъ, что онъ уже не отъ нынѣ, почивая подъ сѣнию Гименея, обязанъ при надлежать всѣмъ своимъ существомъ своей добрѣйшей супругѣ, Марѣинѣкѣ, нашъ герой плѣнялся ласками очаровательной Леоноры ..

Солнце клонилось къ закату. Лучи его проползали сквозь вѣтви и листья деревьевъ. Одинъ лучъ, играя съ черными локонами гуляющаго, скользнулъ по его высокому челу и попалъ прямо въ глазъ Петра Алексѣевича, когда тотъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ вздрогнулъ почему-то... Поднялъ голову вверхъ. Лицо его сіяло отъ восторга. Булавкинъ — такъ звали Петра Алексѣевича — казался пораженнымъ какимъ-то вдругъ прихлынувшимъ чувствомъ счастія.

— Въ этой сторонѣ, откуда улыбается заходящее солнышко, вотъ за этимъ лѣсомъ будуть сегодня веселиться — подумалъ Петръ Алексѣевичъ, произнося при томъ шепотомъ нѣкоторыя слова. Какое то чувство одиночества, беспомощности, щемило его сердце.

Мгновеніе продолжалась въ душѣ борьба. Здѣсь терзающаяся жена у кровати больного сына, горе, отчаяніе, а тамъ — развлеченіе развлечений, Леонора Мюллеръ (фамилія отвергнутаго Леонорой супруга).

Еще два-три мгновенія нерѣшительности... Вдругъ — приказъ кучеру, закладывать лошадей въ коляску, такъ какъ Петръ Алексѣевичъ желаетъ сѣздить въ городъ за врачомъ...

Пока выкатывалась кучеромъ коляска, пока впряженлись лошади, Булавкинъ успѣлъ одѣться въ визитное плащье. А когда къ крыльцу подкатила коляска, онъ уже рас прощался съ женой, одарилъ сына на видъ страдающимъ взглядомъ и точно освободясь отъ Богъ вѣстъ какихъ истя-

заній, прыгнуль въ коляску. Тронули, а черезъ нѣсколько минутъ и скрылись съ виду провожающей глазами любящей, но страшно страдающей жены: Петръ Алексѣевичъ, его коляска и плотный парень на козлахъ.

Между тѣмъ Булавкина давно покинула грусть. Грезы унесли его на вечеръ у Липовской... Вокругъ одни веселыя и счастливыя существа. Здѣсь разсуждаютъ о критическомъ положеніи министерскаго кабинета, при чёмъ иногда можно услышать такое бойкое рѣшеніе вопроса, на какое не отважился бы первѣйший дипломатъ. Въ другомъ углу открываютъ столъ для карточной игры, а для этой цѣли приглашаетъ исхудалый и почернѣвшій отъ безсонно проведенныхъ за ломбернымъ столомъ ночей кандидатъ духовнаго званія разныхъ сподвижниковъ, таща ихъ почти силой подъ-руку къ столу, такъ какъ послѣдніе на видъ отказываются отъ удовольствія... Въ концѣ покоятся его глаза на женщинѣ, красивой, молодой, словомъ: прелестной женщинѣ. Кто-же иной можетъ это быть, какъ не Леонора, на которую всегда обращены взоры различнаго рода поклонниковъ и обожателей, которую ежеминутно пронизываютъ стрѣлы исподлобья посматривающихъ завистливыхъ дѣвицъ и юныхъ женъ?...

Всю дорогу грезился Булавкину очаровательный ликъ Леоноры. Всю дорогу онъ былъ въ сладостномъ забвеніи... Очнулся отъ него только тогда, когда коляска приблизилась къ распутію. Одна дорога — въ городъ, другая — къ усадьбѣ Липовской. Къ большому удивленію получаетъ вдругъ кучеръ приказъ поворотить къ усадьбѣ. Эта перемѣна въ приказахъ не очень-то поразила барскаго кучера, который съ давнихъ поръ привыкъ къ тому: получить утромъ такое-то и такое порученіе, когда-же онъ намѣревался исполнить его сейчасъ, оно смѣнялось другимъ, требуя... Что то странное, однако, шевельнулось въ его груди... Человѣкъ на видъ равнодушный, не принимавшій ни въ чемъ, чуждомъ своимъ собственнымъ интересамъ, участія, почувствовалъ все таки, что не все ладно. Вѣдь-же и подъ его ливрейнымъ платьемъ билось сердце. Оно часто сжималось, видя молодую барыню, отчаивающуюся въ страшномъ горѣ. Не рѣдко приходилось и ему пролить горькую

слезу вмѣстѣ со своею барыней. Отчего-же не отзовется что-то подобное въ груди барина?...

— Какъ быть-то ъздѣ въ городъ? — спросилъ Васька, потряхивая возжами. — Авось бѣдняжкѣ больному хуже будетъ...

— Не твое дѣло! — отчеканилъ рѣзко возбужденный баринъ, котораго вопросъ Васьки вывелъ изъ заколдованныго міра, какимъ окружило Леонору воображеніе Булавкина.

А все таки слова простодушнаго слуги не остались безъ послѣдствія. Хотя на мигъ, — они вызвали и въ каменномъ сердцѣ Петра Алексѣевича слабое сознаніе родительскихъ обязанностей...

Послѣ нѣкотораго промежутка дѣло уложено такимъ образомъ, что Васька оставитъ барина у Липовской, самъ же отправится въ городъ къ врачу, свезти котораго слѣдуетъ прямо къ больному. Петръ Алексѣевичъ не велѣлъ прислать за собой лошадей, такъ какъ его, безъ сомнѣнія, отошлютъ на лошадяхъ здѣшней барыни.

Долго тянувшихся десять минутъ пришлось ъхать къ большому дому, изъ оконъ котораго цѣлыя связки лучей позолачивали влажное отъ росы листье. Только Петръ Алексѣевичъ проѣхалъ за ворота, какъ его слухъ поразили пріятные звуки оркестра, игравшаго хороший вальсъ.

На крыльяхъ страстной пылкости онъ вылетѣлъ изъ коляски. Не обращая ни на что окружающее вниманія, Булавкинъ бросился опрометью въ открытую дверь передней. Шляпа, дорожное пальто, палка — отняты у него ловкимъ лакеемъ... Навертывается на глаза хозяйка дома, Липовская. Ея сіяющее лицо — самое лучшее доказательство радушки, съ какимъ здѣсь принимаютъ желаннаго гостя и друга, Булавкина. Обмѣнявшись обычными фразами привѣтствія съ хозяйкой, Петръ Алексѣевичъ пригласилъ ее перейти съ нимъ въ залъ, гдѣ сраженіе среди стрѣлъ Купидона крушило безпощадно трепещущія сердца. Минутъ черезъ двѣ Булавкинъ колыхалъ — въ страстныхъ объятіяхъ невѣрнаго мужа — прелестную Леонору, вальсируя ловко межъ другихъ паръ, отдавшихся забвенію и вальсу... Здѣсь

— начало и конецъ божественнаго наслажденія нашего героя! Все, впродолженіе дня имъ пережитое горе, точно Лета, смыла своимъ очаровательнымъ взглядомъ русалка усадьбы Липовскихъ. Тутъ-то и увязъ душой и тѣломъ несчастный Петръ Алексѣевичъ...

* * *

Свидѣтель рыцарскихъ подвиговъ нашего героя, луна, блѣдная и потухающая, скрывалась куда-то, не смѣя дольше соперничать съ восходящему зарей.. По столбовой дорогѣ летѣла, чуть дотрогиваясь земли, коляска съ Петромъ Алексѣевичемъ въ его имѣніе Черемошино. На козлахъ сидѣлъ опять тотъ-же Васька Лицо у него ничуть не казалось равнодушнымъ; одна слеза догоняла другую, между тѣмъ какъ рука съ кнутомъ дрожала противъ воли. Въ коляскѣ-же сидѣлъ Булавкинъ. На немъ не было лица. Глаза потеряли своей прежній блескъ, потускнѣли. Грудь работала неравномѣрно, выше силъ. Въ ней творилось что-то такое, чего не поймешь такъ скоро.. Минутное очарованіе, развлеченіе, мигъ сладости, а за это — страшное раскаяніе, угрызеніе совѣсти, истязанія...

Тамъ Леонора съ ея прелестями, здѣсь преслѣдующей на всякомъ шагу кошмаръ попранныхъ и брошенныхъ на поруганіе законовъ и обязанностей супруга и родителя...

Какъ искренно желалъ-бы онъ погрузить все, погубившее его человѣческое достопиство, во мракъ забвенія. Какъ хотѣлосьбы ему смыть все слезами раскаянія и предстать предъ женою новымъ, добрымъ и любящимъ мужемъ, а на доброго сына излить всѣ щедроты и нѣжность доброго отца. Только-бы сына исцѣлить!...

Коляска летить, чуть-чуть земли прикасается, а Булавкину чудится, что она еле движется черепашьимъ шагомъ впередъ.. О еслибъ чѣмъ-либо потушить разгорѣвшіяся внутри огонь! Нельзя! Наказанія не миновать...

— Что было съ больнымъ, когда тебя высыпали за мной? — впился взглядомъ, полнымъ отчаянія, въ Ваську Булавкинъ. — Успѣемъ застать его въ живыхъ?...

Ему такъ хотѣлось, такъ очень хотѣлось: или не получить никакого отвѣта, а если послышать, то хотя напрасно высказанное: „да!“ Но нѣтъ! Васька никогда не

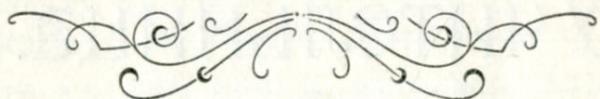
проявлялъ барину иного чувства, кромъ равнодушія. Поэтому-то и на этотъ разъ его холодное какъ ледъ: „Да врядъ-ли“, — убило совсѣмъ Петра Алексѣевича... Но онъ уже не могъ ничего ощущать въ груди. Тамъ все заглохло.

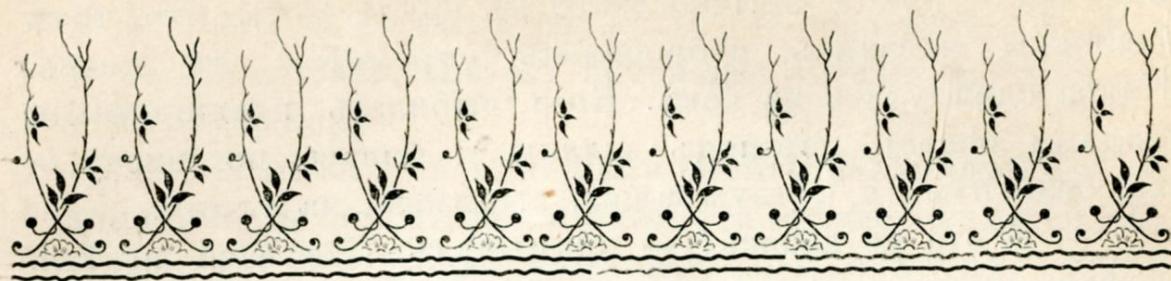
* * *

Когда коляска остановилась у крыльца, Булавкинъ безсознательно поднялся. Ноги, подкашиваясь, машинально понесли его на верхъ, въ комнату сына...

Тутъ лежалъ на кровати дорогой трупъ мальчика, а у изголовья его стояла на колѣняхъ блѣдная, полумертвая Марѣнъка.

Въ углу согбенная старуха-няня шептала молитву..

За день.

Закованный въ тяжелый металль, духъ дюка де Ришелье застылъ въ величественной позѣ. Не сходять съ его лица таинственный страхъ и удивленіе передъ могуществомъ Чернаго моря, ложившагося необъятною, бездонною пучиной у пьедестала памятника. Великій иностранецъ преклонился передъ непонятною силой свободной стихіи; онъ давно уловилъ въ грозномъ шопотѣ волнъ Русскаго моря то, до чего едва ли додумаются свои...

Проснулась Одесса, уже умывшаяся красавица, а у ея ногъ, сверкая серебристой, хрустальной поверхностью, плещетъ синее море, улыбается и манигъ къ себѣ, и вѣщаетъ счастье всей Руси, безграничной.

— — —

Круто спустилась Ланжероновская улица внизъ и потонула въ грязномъ горлышкѣ сѣрой Таможенной площади. Вотъ на горѣ виденъ еще грандіозный городской театръ, щеголь, изящный, какъ вся Одесса, далѣе, пониже, смиро присѣла городская библіотека, а тамъ потянулись двѣ грязныя стѣны и уперлись въ самую площадь, — юдоль порока и нравственнаго изувѣрства.

Площадь открыта со стороны гавани; съ трехъ осталъныхъ сторонъ она окружена мрачными, до безумія мрачными домами, жалкими пріютами цѣлой арміи »бывшихъ людей«. Надъ входомъ въ каждый изъ домовъ виситъ доска съ надписью »Ночлежный пріютъ«. Всѣ доски, очевидно, писаны однимъ и тѣмъ-же грамотѣемъ и, должно быть, сторонникомъ реформы русской ортографіи, написавшимъ повсюду вмѣсто буквы *e* букву *n*.

Площадь кипитъ бояками, грязными, оборванными, хмурыми, а надъ нею царитъ грусть, страшная, гнетущая грусть, привитая діяволомъ счастливому когда-то человѣку для того, чтобы низвести его въ бездну...

Въ ночлежкѣ пахнетъ подвальной сыростью и терпкою кислятиной. На подоконникѣ одного изъ тысячи оконъ, помѣченаго номерами 254 и 255, сквозь которыя таращится горе внутри и изнутри ночлежки на грязный дворъ, лежитъ высохшій мальчикъ, босый, въ рваныхъ портахъ и грязномъ картузикѣ, и щелкаетъ сѣмячки. Дитя отчаяннаго боячества, засосавшаго тысячи существъ, типъ наслѣдственнаго бояка. Онъ лежитъ неподвижно, щелкаетъ механически перемѣшанныя съ пылью сѣмячки, вперилъ мутные глаза въ синее небо и думаетъ... бояцкую думу...

Передъ ночлежкой спить бородатый боякъ, громадина, что называется. Рубаха разодрана и оттого обнажена его широкая мохнатая грудь. Онъ напился пьянь и хранитъ здорово, а надъ нимъ завываетъ полуписьная баба, еще не старая, крѣпкая, съ испитою физіономіей; она сидитъ у изголовья своего ненагляднаго, качается всѣмъ тулowiщемъ изъ стороны въ сторону и тянетъ уныло: »Уга-рѣль, мой Ванька, уга-рѣль!« На землѣ, у входа въ кабакъ, надъ дверью котораго красуется надпись »Бакалейная лавка съ напитками« — группа бояковъ. Бывшіе изнутри кабака копоть, дымъ и запахъ перегара окутываютъ всю эту группу туманной, удушливой волной. Одинъ лежитъ на брюхѣ, растянувшись во весь гигантскій ростъ, и, подперевъ мощными кулаками взлохмоченную голову съ фуражкой на бекрень, слушаетъ равнодушно другого, здороваго, рыжаго парня, присѣвшаго на корточки. Рыжій, раздраженный до бѣлой горячки, говорить горячо и все стучитъ кулакомъ о плиту передъ носомъ перваго. Рав-

нодушіе, съ какимъ выслушивается первымъ его грозная рѣчъ, кидаетъ ею въ остервенѣніе...

Съ горы спускаются на Таможенную площадь господинъ и дама. Они, повидимому, направляются къ группѣ бояковъ. Дама, провожающая господина, молодое и красивое существо, является тутъ, въ этой промозглой трущобѣ грязи и распутства, второй Беатриче въ вертепѣ портоваго города.

Ихъ замѣтилъ одинъ изъ бояковъ, окружившихъ разсуждающаго.

— Ишь, идетъ нѣмчикъ, — говоритъ онъ къ товарищамъ.
— А славная у него барынька.

— Нѣмчикъ, братъ, подѣлить, такъ ужъ здорово, — объясняетъ другой.

Рыжій боякъ, толковавшій до сихъ поръ, сорвался на ноги и бросился къ подошедшей парѣ.

— Мсье, ich bin auch ein Deutscher, я тоже нѣмецъ; ich habe die Ehre mich vorzustellen — тараторитъ онъ, загораживая своею гигантской фігурой дорогу прохожимъ. — Говорю я вотъ этой безмозглой башкѣ: „Пойми, братъ, или убью кого, или повѣшусь“; потому, голоденъ, адски голоденъ...

Прохожій вынимаетъ изъ кошелька нѣсколько монетъ и даетъ бояку. Тотъ шаркаетъ ногами, какъ рожденный дэнди, и шикарно приподнимаетъ помятый и грязный картузъ.

— Merci, мсье. Ich habe die Ehre... до милаго свиданія!

Дама и господинъ направляются дальше.

— Почтеннѣйшій, — кричитъ господину, нагоняя уходящихъ, высокій, тощій, съ большимъ краснымъ носомъ боякъ.
— А, почтеннѣйшій, угостите, пажа-алста полбуты-лочкой.

— То есть, какъ? — спрашиваетъ господинъ.

— Совершен-но про-сто, дайте... на полбутылку.

Тотъ достаетъ изъ кармана кошелекъ.

— Вотъ, это мнѣ нравится. Неча тратить лишнихъ словъ.

Боякъ принялъ деньги и, выпрямившись въ струнку, взялъ подъ козырекъ.

Дама становится невыносимо. Она проситъ спутника поскорѣе уйти оттуда. Боякъ, все еще стоящий въ струнку, почувствовалъ себя задѣтымъ.

— Эхъ, барынька, степенная... закусила удила...

Длинная и широкая лѣстница, освѣщенная яркимъ электичествомъ, ясно обозначается своимъ каменнымъ скелетомъ на темномъ фонѣ пологаго откоса. На верхнихъ ея ступенькахъ толчется разноцвѣтная публика; тамъ кишитъ, какъ въ муравейникѣ. Одни приходятъ, чтобы съ этого болѣе открытаго мѣста поглазѣть на игриво мерцающіе огоньки, зажженныя на пароходахъ, другіе, насытившись созерцаніемъ этого вида до устали, возвращаются опять на бульваръ.

Внизу, гдѣ лѣстница своею нижней ступенькой уперлась о край гавани, развернулась широкая улица, ведущая на Таможенную площадь.

Не замѣтно, чтобы кто нибудь поднимался снизу вверхъ по лѣстницѣ. Пристань — это арена одной рабочей арміи. Никакого нѣтъ дѣла ея членамъ до города, до грандіозныхъ домовъ, улицъ, разряженной массы сытыхъ и довольныхъ, до всего этого, что происходитъ тамъ, на верху.

Затихли до завтрашняго дня мягkie, довольно гармоничные гудки пароходовъ; не слышны пронзительные свистки поѣздовъ, юрко извивающихся днемъ по гавани. Изъ широкихъ воротъ высыпалась сѣрая толпа рабочихъ — все одни босяки. Выйдя на улицу, они разбрелись враздробь.

У входа на Таможенную качается по вѣтру аляповатая фигура босяка. Это одинъ изъ „забракованныхъ“; его не приняли на работу. Когда утромъ началась работа и на пароходѣ зашевелились рабочіе, двигаясь въ разныя стороны, онъ жадно смотрѣлъ на огромное тулowiще парохода и провожалъ глазами каждый разъ большущее ведро, болтавшееся на подъемномъ кранѣ, пока оно не опустилось внизъ и не скрылось въ люкѣ...

Долго онъ смотрѣлъ на этотъ копошащийся на пароходѣ муравейникъ рабочаго люда, ощущая приливъ новаго чувства; радостно-жгучаго желанія измучить себя работой. Но — не дали работы, черти. Выгрузка угля изъ парохода произошла сегодня безъ его участія. Въ карманѣ, однако, нашлась лишняя копейка: ну ее съ дымомъ! Пусть катится, круглая вѣдь. Костюмъ на немъ далеко незатѣйливаго вида, обрюзглое лицо окаймлено всклокоченою бородой; въ взъерошенныхъ волосахъ гусиный пухъ, точно на его голову осѣли снѣжинки.

Онъ напился до положенія ризъ; охмелѣвшая головушка страшно отяжелѣла и тянетъ громадное туловище то въ одну, то въ другую сторону. Ноги, заплетаясь, выписываютъ неправильные зигзаги.

Трудно приходится бояку искать вѣрный путь ; улица отчего-то все танцуетъ, да кривляется. Отъ шатанія во всѣ стороны и, главное, отъ нелегкой борьбы ногъ съ грузнымъ туловищемъ, которое онъ пытались держать въ возможномъ равновѣсіи, боякъ усталъ порядочно. Онъ и прислонился къ стѣнѣ и затянулъ хриплымъ голосомъ:

Пра-вая, лѣ-ѣвая гдѣ ста-рана,
Ули-ца, улица, ты-ы, братъ... пья-на.

— Здо-орово, Трофимушка! — кричатъ ему возвращающіеся съ работы товарищи.

— Наше вамъ съ кисточкой, — привѣтствуетъ его близкій, повидимому, другъ и хлопаетъ его снисходительно по плечу.

— — —

Ночь еле-еле успѣла окутать широкій просторъ моря сѣрою дымкою сумерекъ, какъ важно всплывшая луна разсѣяла туманъ и наполнила все пространство серебристымъ свѣтомъ.

На залитомъ электичествомъ бульварѣ гремитъ оркестръ. Быстрые переходы отъ серьезной музыки къ легкой напоминаютъ, что тутъ нѣтъ „искусства для искусства“, а одно царство развлеченія. Въ аллеяхъ гуляютъ разряженныя красотки, провожаемая жеманными дэнди, а по ту сторону бульвара катаются въ изящныхъ коляскахъ задыхающіяся отъ счастья представительницы „верхнихъ десяти тысячъ“.

Далеко на фонѣ морской синевы мерцаетъ красный свѣтъ маяка. Управляемый умѣлою рукою дежурнаго, рефлекторъ бросаетъ подчасъ длинный снопъ яркаго свѣта и вмигъ освещаетъ длинную полосу спящаго моря, дремлющіе откосы и шумный бульваръ. Напрасно онъ соперничаетъ съ пронизывающимъ взглядомъ глубокихъ черныхъ глазъ дочерей юга...

Группа: Капитанъ, мужчина лѣтъ сорока, съ отвисшими усами, плохо прикрывающими его сочныя, чувственныя губы, живо объясняетъ молодому корнету франту, типу, который

знаеть о себѣ развѣ столько, что онъ: „Жо-аржъ, паника мама-апи«, какъ надо дѣйствовать, чтобы добиться ласкъ у женщинъ.

— Надо умѣть, — толкуетъ капитанъ. — Примешься за дѣло неловко, и почитай, какъ звали. Женщина, знаете мой м олодой другъ, существо въ высшей степени химерное. На до... умѣло... Она любить цвѣты, вы ей цвѣты. Она любить кататься на рысакахъ, вы ее пррракатайте... Вотъ вамъ примѣръ, м-м-такъ сказать, налицо: наша примабалерина, Пупи-Па. Вы ее знаете? Говорять мнѣ: „недотрога“. Пустяки, — возражаютъ. Женщина, знаете, этакое пятое-десятое, это крѣпость, ожидающая »своего« побѣдителя. Разъ явится такой, онъ возьметъ ее преслокойнѣйшимъ образомъ съ перваго приступа. Увѣряю васъ, *parole d' honneur*. Во всемъ нужна стратегія: не дастся прямымъ штурмомъ, надо дѣйствовать окольнымъ путемъ... Не много думая, я осаждаю горничную прелестной балерины, обсыпаю ее массой нѣжныхъ словъ... съ акомпаниментомъ десяти рубликовъ въ ея хищненкій кулачокъ: »Пропусти меня, молъ, красавица, въ барынѣ... Ну, и что вы скажете? Дѣло въ шляпѣ; все пошло, какъ по маслу... Хе, хе хе...

И такъ далѣе, и такъ далѣе... *in dulce infinitum.*

Новая группа: Высокій, долговязый дэнди шагаетъ на вытяжку, какъ аистъ, посрединѣ ступаетъ расфуфыренная дама, а по ея правую руку сѣменитъ ножками добродушный пузанъ. Толстопузый разсказываетъ какую-то уморительную новость и самъ больше всѣхъ смеется, потрясая слегка животикомъ.

— Или вотъ эта штука. Говорю вамъ, надѣлала шуму во всей столицѣ. Даже печать, вѣрьте, подняла этотъ вопросъ.. Дѣло въ томъ, что какой-то аристократишка назвалъ свою скаковую лошадь: Дузе.

— Ду-узе-е? — встревожилась дамочка.

— Скаковую ко-бы-лу! — удивился долговязый.

— *Fi donc, кѣль выражансъ,* — осадила его сю-же ми-

нуту дама, повидимому его законная жена, не забывшая еще институтскихъ фразъ.

— Разразилась полемика, загорѣлся сыръ боръ, — продолжалъ толстякъ, довольный, что ему удалось поразить слушателей. — Словомъ: буря въ стаканѣ воды. И Богъ вѣсть, чѣмъ это кончилось бы, не найдись между писательствующей голытьбой умница. Такъ и сразу огорошилъ соперниковъ. Взялъ, понимаете, да прихлопнулъ. »Что-жъ вы, пишетъ онъ, развѣ не знаете, что во Франціи нельзя считать себя знаменитымъ ранѣе, чѣмъ будешь boeuf-gras, то есть, позвольте вамъ объяснить, этимъ быкомъ, котораго водятъ на масляницѣ по бульварамъ Парижа.

— Однако, шутникъ, — согласилась дама.

По изумрудной морской глади скользятъ парусныя лодки. На просторномъ фонѣ мягкой синевы онѣ похожи на бабочекъ въ небесной лазури. Тихо опускается на землю вечеръ. Лодки плывутъ къ берегу. Грациозно извиваясь между нихъ, выдѣлилась изъ этой стаи мотыльковъ бойкая »душегубка« и, колыхаясь на волнахъ, стремится быстро впередъ.

»Душегубка« уже недалеко. Слышны удары весель и плескъ обиженней воды. А съ челнока доносятся нѣжные звуки пѣсни. Поетъ ее женскій дребезжающій голосъ:

Успокой меня,
Дай мнѣ счастье дня;
Вглядомъ нѣжнымъ, безмятежнымъ
Успокой меня...

Въ большомъ Александровскомъ паркѣ воздухъ взволнованъ звуками: они льются въ немъ оглушительными каскадами. Соперничаютъ другъ съ другомъ три оркестра. Настоящее *tutti frutti*. Тутъ гремитъ побѣдоносный »Маршъ Куропаткина«, тамъ пошли ходуномъ залихватскіе украинскіе »Гречаныки«, а у главной аллеи »смѣется Паяццо надъ разбитой любовью«...

Къ полуразрушенной стѣнѣ, остатку крѣпости, прислонилась темная фигура женщины въ бѣдномъ платьице и ко-

сынкѣ на головѣ. Женщина смотритъ на море и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, тихо плачетъ.

— Ты чаво? — пристаетъ къ ней, дергая ее нервно за рукавъ, ея спутница. — Иди, голубушка, ну... иди!..

Та не отвѣчаетъ и не трогается съ мѣста.

На маякѣ задребезжалъ красный свѣтъ; женщина стала быстро креститься.

— Нечас... пустяки, все равно не увидишь Портъ-Артура — успакаиваетъ ее говарка...

Одесса, въ августѣ м. 1904.

